

«ЛУЧШЕ, ЧТОБЫ ПРЕМИЯ ДЛЯ КРИТИКОВ БЫЛА,
НЕЖЕЛИ ЧТОБЫ ЕЁ НЕ БЫЛО – КРИТИКИ ВЕДЬ ТОЖЕ ЛЮДИ»

Всероссийская литературно-критическая премия «Неистовый Виссарион», организованная Свердловской библиотекой им. Белинского, объявила в июне 2019 года первых призеров. Лауреатом в главной номинации стала Ольга Балла.

В качестве подведения итогов первого премиального сезона Библиотека им. В.Г. Белинского совместно с журналом «Волга» предложила ряду критиков ответить на несколько вопросов, касающихся нынешнего состояния русскоязычного литературно-критического поля.

*Иванов Е.С., секретарь премии
Симонова Е.В., технический координатор премии*

1. Какие процессы происходят в современной критике? Что влияет на ее функционирование в качестве арт-институции? Способствует ли премиальный процесс изменению/расширению представлений о литературной критике как явлении, переопределению границ etc?

2. Стоит ли разводить критику и эссеистику? Критику и анонсы? Критику и ...? Есть ли в пространстве современной критики высказывания/типы высказываний, которые нелегитимны?

3. Насколько необходимым и своевременным было появление премии «Неистовый Виссарион»? Какие типы осмысливающих литературу текстов, по Вашему мнению, не были представлены в лонг-листе премии? Что Вы бы хотели увидеть во втором сезоне?

Дмитрий БАВИЛЬСКИЙ

1. В культуре сейчас нет центра и центровых институций, вокруг которых могли бы группироваться современное искусство и литература. Общество предельно атомизировано и точно также разобщены все его составляющие, в том числе критические. Существует масса самых разных очагов деятельности, влияние которых стремится к нулю, поскольку нет ни единого информационного поля, ни общих критериев качества или полезности. Если в СССР все расходилось по полюсам «западников» и «славянофилов», официальных СМИ и полуподпольного андеграунда, то теперь зеркало не просто треснуло, но рассыпалось на миллионы автономных вселенных – и им не сойтись никогда. Отдельно существуют, например, университетские и институтские филологи со своими журналами и конференциями, отдельно интернет-блогеры и обозреватели сетевых порталов. В стороне от них живут совершенно обособленной жизнью островки традиционных институций – толстых журналов, локальных школ и литературных премий, которые одно время претендовали на статус зонтичных явлений, да быстро выдохлись. Нет более ни повсеместных авторитетов, ни безусловных фигур, ни-че-го.

В критике, как и во всей прочей общественной жизни, идёт переориентация с общего на частное мнение, когда главными поставщиками новостей и оценок оказываются соцсети, включающие в себя Телеграмм-каналы. Каждый выстраивает собственную информационную повестку и ориентируется на знакомые или проверенные бренды и имена. Большую часть этой поляны занимает обслуживание книгоиздательской индустрии, которая всё дальше и серьёзнее расходится с собственно литературой – то есть чем-то

принципиально неповторимым, осмысленным, экспериментальным, прорывным. Настоящим.

Ещё совсем недавно в критике преобладало внимание к деятельности толстых журналов, где проценты «подлинной литературы» были максимальными, а книги, чаще всего выходявшие по итогам журнальных публикаций, обзревались по остаточному принципу. Теперь заставить обзрывать толстые журналы никого нельзя и публикации в них оказываются событийными, только если к продвижению их подключаются деятели из других культурных и медийных полей. Такое случается крайне редко, и иных осмысленных институций, занимающихся не дурно понятой коммерцией, а тем, что когда-то называлось «процессом», я пока не знаю. Самоорганизация новых поколений, приходящих в мир со своими эстетическими исканиями и «свежим взглядом» только организуется в виде небольших, нерегулярных изданий (в основном, безбумажных), мало посещаемых сайтов и любительских издательств. Но без серьёзной и систематической поддержки это всё временные меры и чистый «фан»: в перестройку пытались выходить десятки оригинальных изданий, но где они? Кто-нибудь сегодня помнит, например, «Соло» или «Лабиринт/Эксцентр», «Другие берега» или «Здесь и теперь»?

Акцент, таким образом, перемещается с деятельности писателей на активность издателей и редакторов – тех, кто закупает и перепродает авторские права и отбирает тексты для книжных публикаций, которые должны быть понятными и проходимыми в продаже. Один известный издатель сказал мне, что его интересуют прежде всего «потокосные продажи», то есть публикации приятные сразу всем. А какую инновационную и художественную ценность они при этом имеют – дело уже сто десятое.

Сейчас живёт и плодотворно работают десятки оригинальных и мощных авторов, но кто о них знает? Они ведь пишут, а не занимаются собственным продвижением, из-за чего на слуху совсем другие имена, которые, как в политике или на эстраде, не меняются десятилетиями, давным-давно превратившись в карикатуры на самих себя. Вот недавно умер замечательный прозаик Владимир Шаров и все заговорили о его выдающемся месте в актуальной культуре. Но пока Шаров был жив, его долгие годы, на свой страх и риск издавало маленькое, но крайне гордое и независимое издательство «Арсис букс» да публиковал журнал «Знамя». Издание Шарова, о котором критики вспомнили после его смерти, и его писательское выживание было частным делом самого писателя и его семьи, так как «широкой общественности», обеспечивающей продажу хотя бы минимальных тиражей, никто не объяснил, что Шаров – это круто и важно. Впрочем, романам Владимира Шарова ещё повезло – они все изданы. Если и есть у критики сегодня задачи, то, видимо, с отделением мух от котлет, а третьестепенных переводных романов от текстов, действительно двигающих литературу вперёд.

Сложно себе представить, чтобы театральные критики занимались серьёзным разбором премьер антреприз, собранных для чёса по домам культуры, однако, даже самые солидные издания и рецензенты с респектабельным имиджем не чураются реагировать на очевидное беллетристическое фуфло, по каким-то своим внутренним причинам продавливаемое «лидерами рынка».

Издательский цикл крутится вокруг ярмарок и премий, которым необходимы постоянные новинки и информационные поводы с яркой подачей. Это облегчает работу отделов рекламы и маркетинга, и если кем-то может быть сегодня востребована (то есть оплачена) критическая деятельность – то, в основном, вот такая, к сожалению, выхолощенная. Подмены идут по всем фронтам, и здесь критика оказывается в том же самом положении, как и прочие отрасли человеческой деятельности, существующие в современной России в перевёрнутом (искажённом, подменённом) виде.

Книг выходит всё больше, так как издательская деятельность всё ещё остаётся областью чистой частнособственнической инициативы, но большинство стоящих изданий проходят практически незамеченными – энтузиастов рыться в развалах всё меньше и

меньше, так как на маргинальном контенте особенного имени себе не сделаешь, а критики тоже люди и тоже хотят жить.

2. В отсутствии единых критериев и общего информационного поля ничего нелегитимного уже быть не может – это очень хорошо заметно по соцсетям, постоянно сталкивающимся прямо противоположные мнения даже в одной ветке комментариев. То, что одним кажется чудовищным, у других вызывает приступы бешеного энтузиазма. Это такая норма жизни, и она будет лишь нарастать и развиваться, так что ничего разводить не нужно, каждый пишет как он дышит, нужно учиться фильтровать белый шум и отцеживать крупницы ремы.

Будущее наступает каждый день, и я наблюдаю, как меняется «парадигма потребления» текстов, как мутируют формы бытования обыденного чтения. То, что еще недавно казалось незыблемым и традиционным, устаревает и съёживается, зато расцветают бурным цветом всякие там подкасты и книжные инстаграммеры, что и вовсе кажется оксюморонным, так как тексты – это про буквы, а не про картинки, даже если и с обложками.

Дело же не в том, что есть критика, а есть эссеистика, есть обозреватели быстрого реагирования, а есть общепризнанные аналитики, которых все днем с огнем ищут, но почему-то все никак не находят, хотя люди, привыкшие писать аналитические статьи, чаще и чаще сидят без работы, а в том, что нет вменяемой культурной экономики, разветвлённой и нишевой издательских инфраструктур, отработанной книготорговой практики. Если критикам что и нужно разводить по разным полюсам, так это удамой коммерческий мейнстрим и полноценное художественное высказывание, имеющее подлинную, а не напускную культурную ценность, но разводить их так, чтобы любые нишевые и субкультурные интересы в публичном поле были представлены и доступны на равных.

Нужно разводить не жанры, а писателей и рыночную экономику, в которой мейджоры бы не выжигали напалмом «пространство смыслов» и желание писать не очередную потоковую серятину, но что-то действительно живое, прорывное и неоднозначное. И если, после наведения порядка в стране, отладится публикационная инфраструктура, то критика и прочая незаурядная рефлексия сама за всем этим подтянется. Сейчас всё, что есть в культуре-литературе интересного, распространяется по неофициальным каналам, интернетом и соцсетями в нем. А сети принципиально лишены иерархии жанров и тем, из-за чего искать здесь свою собственную питательную травку – отдельное и практически уже высокое искусство.

3. Лучше, чтобы премия для критиков была, нежели чтобы её не было – критики ведь, кем бы они, на самом деле, ни были, тоже люди. Такую премию для критиков, кстати, я и сам придумал еще в 90-е годы, когда рецензионные разделы газет и журналов были главным развлечением интеллектуально продвинутой публики. Все начинали чтение их именно с петитных разделов, но осуществить свою идею тогда мне не удалось, да, честно говоря, я и не особо пытался, понимая, что шуму будет много, а выхлопа – на копейку.

С тех пор от критики остались рожки да ножки. Появление критической премии должно поддержать не столько интерес к критике, сколько самих критиков, которые смогут хотя бы на время почувствовать себя кому-нибудь нужными. Идея Белинки остроумная, поскольку случайный нейминг оказался обращён в игру с некоторым потенциалом. Другое дело, что первый розыгрыш «Неистового Виссарииона» вышел односторонним, поскольку формировался из «сегодняшнего дня». С одной стороны, разумеется, это логично, так как участвовали в нем актуальные критики, работающие в сегодняшних полевых условиях, но, с другой, критика, может быть, как ни одна форма литературной деятельности, зиждется на идеях преемственности и эволюционного развития. Нынешних писателей в рецензионные разделы не было бы без тех, кто работал вчера и даже позавчера. Хорошо, что приз «за честь и достоинство» выдали Ирине Бенедионовне Роднянской, продолжающей интересно и

продуктивно работать, а в следующих розыгрышах наверняка отметят и других «представителей старшего поколения» (что бы это ни значило), но почему эта премия Роднянской выглядит такой утешительной?

Хочется более активного «участия регионов», поскольку критики обоих культурных столиц теснее других связаны с обслуживанием книгоиздательской индустрии, но как же тогда сформировать уравновешенный список претендентов вне постоянных авторов столичных медиа? Впрочем, интернет снимает и проблему местожительства, которая в годы моей критической юности была судьбоносной, а теперь никто не обращает внимание, на то в каком городе живет интересный книжный блогер или литературный обозреватель. Главное, чтобы писали хорошо и интересно.

Впрочем, самым слабым звеном первого года существования «Неистового Виссариона» мне кажется состав жюри, подобранного по каким-то не вполне очевидным критериям. Хотя решение они приняли, кажется, единственно правильное. Ну, или, по крайней мере, удовлетворившее максимальное число болельщиков, что бы там ни происходило за кулисами: Ольга Балла – действительно идеальный герой критической рефлексии, задающая своей работой высочайшую планку. Важно, что Балла любит писать о текстах сложных, узконаправленных и малотиражных. Может быть, награждение её критической премией послужит примером другим авторам, промышляющим рецензиями и обзорами. Все возьмут да и ломанутся размышлять над сборниками антропологических штудий и коллективными монографиями. Круг малотиражных новинок, попадающих под пристальное внимание, расширится, наступит новый расцвет искусств и ремёсел. Нашей прекрасной России будущего он жизненно необходим.

Ольга БУГОСЛАВСКАЯ

Какие процессы происходят в современной критике?

Критика становится всё более и более дифференцированной и разнообразной, возникают и заполняются новые ниши, диапазон высказываний расширился от коротких и эмоциональных читательских реплик до академически строгих и обстоятельных лонгридов. Появились, как известно, жанры книжных блогов и видеоблогов. Первый требует от ведущего навыков дизайнера, второй – шоумена. Кроме того, критики всё чаще выбирают узкую специализацию, выбирая прозу или поэзию, фикшн или нон-фикшн, отечественную литературу либо зарубежную, литературу для взрослых или для детей и подростков и так далее. Иными словами, критика в целом переживает этап интенсивного развития, освоения новых форм и адаптации к существующим условиям.

Что влияет на её функционирование в качестве арт-институции?

Думаю, влияют в основном два фактора.

Первый – интернет и предоставляемые им свобода и неограниченные возможности самопрезентации.

Второй – нехватка читателей. Та же проблема существует и у писателей. Литература сегодня функционирует во многом как вещь в себе, как замкнутая система. Выйти к широкому читателю удаётся очень малому числу писателей и ещё меньшему числу критиков. Ножницы между неограниченными возможностями интернета и сравнительно небольшой аудиторией – условия, в которых критика функционирует сегодня.

Способствует ли премиальный процесс изменению/расширению представлений о литературной критике как явлении, переопределению её границ etc?

Откровенно говоря, я этого не замечаю. Премияльный процесс делит критиков на тех, кто, условно говоря, «за», и тех, кто «против» выдвижения и награждения конкретных кандидатов на премии. Вряд ли именно это расширяет представления о критике. Развитие критики и расширение её границ происходит исключительно благодаря отдельным личностям. К примеру, работы Ольги Баллы – опыт создания собственной философии посредством критических высказываний. Это расширяет представления о критике. А вопрос о том, привязаны эти высказывания к премияльному процессу или нет, большого значения не имеет.

Стоит ли разводить критику и эссеистику? Критику и анонсы? Критику и...? Есть ли в пространстве современной критики высказывания/типы высказываний, которые нелегитимны?

Мне представляется, что стоит. В идеале было бы правильно развести критику не только по жанрам, но и по специализации, отделив взрослую литературу от детской и подростковой, фикшн от нон-фикшн, отечественную литературу от зарубежной. Чем выше степень детализации, тем точнее результат.

Как мне кажется, сегодня общепринятых критериев легитимности не существует, всё зависит от субъективной оценки каждого читателя. На мой взгляд, неприемлемым является переход на личности, не говоря уже об оскорбительных выпадах в адрес писателей или коллег-критиков. Даже в тех случаях, когда такой переход провоцируют сами писатели, особенно настойчиво предлагающие вниманию публики не только свои произведения, но и самих себя.

Насколько необходимым и своевременным было появление премии «Неистовый Виссарион»?

В ситуации, когда все читатели получили возможность публично высказываться о книгах, что само по себе очень важно и правильно, стало складываться и распространяться мнение, что в профессиональной критике отпала необходимость. Новая премия заново переутверждает статус профессионалов, заявляет об их необходимости и задаёт определённую планку-ориентир.

Какие типы осмысливающих литературу текстов, по Вашему мнению, не были представлены в лонг-листе премии? Что бы Вы хотели увидеть во втором сезоне?

Мне представляется, что отдельной номинации заслуживают те, увы, немногочисленные критики, которые сумели пробиться к широкой публике и завоевать её внимание. Они способствуют популяризации литературы вообще и критики в частности, совмещая литературно-критическую деятельность с просветительской. На мой взгляд, это заслуживает большого уважения и отдельной благодарности. Первой в ряду таких критиков является Галина Юзефович. Жаль, что в этом году в лонг-листе не были представлены некоторые имена. К примеру, Елена Иваницкая, которая имеет мужество идти против мейнстрима, своими трезвыми и острыми суждениями уравновешивая иногда чрезмерный всеобщий восторг по поводу той или иной книги. Или Анаит Григорян – автор глубоких аналитических статей. Или Ольга Бухина, много пишущая о литературе для детей. Но, разумеется, нужно иметь в виду, что премия существует всего год, за это время невозможно было объять необъятное. Надеюсь, что со временем всё можно будет наверстать.

Евгения ВЕЖЛЯН

Думаю, что состояние литературной критики в той же степени, что и других областей литературного производства, сейчас определяется общим институциональным кризисом собственно литературы. Мы присутствуем при тектоническом сдвиге: в том ее виде и смысле, который литература как институт имела на протяжении последних трехсот лет, она, безусловно, больше не функционирует. Что закономерно влечет за собой «пробуксовку» всех, даже самых «продвинутых» и радикальных, языков ее описания. Обмен «центрального» и «маргинального», определяющий динамику «литературной конструкции» (Ю. Тынянов), борьба за власть, подкрепленная «институционализованной аномией» на поле литературы (П. Бурдьё) предполагает, что «литература» существует как некоторое единство, гомогенное пространство, каждая часть которого определяется одними и теми же закономерностями, что делает эти части взаимосоотнесенными друг с другом. Но (и этот тезис – уже, конечно, банальность) интернет принес возможность самопубликации, в обход «старых» литературных институтов легитимации, и стал тем медиумом, который соединил, казалось бы напрямую, авторов и их читателей. Опуская подробности, в сухом остатке мы получаем не одно однородное пространство литературы, а много разных гетерогенных литературных миров, которые по-разному устроены (хороший пример здесь – «поэзия павликов» и «профессиональная поэзия»). Они взаимодействуют друг с другом, конечно, и, кстати говоря, описание этих взаимодействий – отдельная научная задача, к решению которой мы только приступаем. Книжная индустрия – это, конечно, теперь не единственный социальный мир, выстраивающийся вокруг создания и потребления текстов, но только один из имеющихся в наличии.

Как это все сказывается на критике? «Традиционная» критика – это, конечно, одна из тех легитимирующих инстанций, которая в едином институциональном пространстве «старой» литературы задавала норму вкуса и старалась отследить «тенденции развития» той или иной литературной области, исходя, конечно, из пресуппозиции литературы-как-целого. Именно это «целое» и было, в сущности, основным объектом, которому была посвящена старая литературная критика, для которой именно коммуникации в сообществах «производителей» литературы становились отправной точкой для «оценивания» (придания ценности) и систематизации литературных явлений. Но в нынешней ситуации этот объект утрачен. И именно это, а не, как можно было бы ожидать, потеря авторитета или «прекаризация» профессии критика, привело эту «старую критику» к кризису. Это отчасти объясняет и парадоксальность сложившейся картины: мы видим критиков, влияние которых растет, но не видим критики в том смысле, который был привычен в XX веке. Новая литературная критика больше не посвящена «литературе». Она работает с единичностями. Ее заботит прежде всего текст в поле его предъявленности читателю, текст, который существует здесь и теперь, вне какой бы то ни было большой временной перспективы. Новая критика, как это было завещано, например, рецептивной эстетикой, сами тексты рассматривает как производную от их читательского восприятия, тонко работая с ним, обогащая его и находя для него слова и термины.

В этом смысле новая литературная критика имеет свои ограничения. Так, она не работает с теми текстами, которые еще не вышли к широкому читателю, значение которых устанавливается через обсуждение в узких или «профильных» сообществах. Отсюда и ее «слепые зоны», такие как поэзия (как написал однажды в блогах ярчайший представитель «новой литературной критики» Василий Владимирский, «у поэзии нет шансов») или малотиражная элитарная проза. Впрочем, к «слепой зоне» новой критики относится до сих пор и беллетристика, опубликованная в литературных журналах, которая часто замечается ею лишь тогда, когда она оказывается опубликована в каком-нибудь крупном издательстве.

Отсюда вывод: и «новая литературная критика», при всей ее «массовости» и «эффективности» – это вполне нишевое явление, рядом с которым могут и должны развиваться иные, направленные на иные явления и пространства, формы критического письма (и не только «письма», поскольку в систему металитературных высказываний должны быть включены и те, которые используют аудиовизуальные носители). Так что

«кризис» в этом смысле – это эффект точки зрения. Если представители различных литературных сообществ откажутся от мешающей им генерализирующей оптики и научатся видеть литературу не как единое целое, а как множество полей/миров/пространств, то станет понятно, что сейчас – самое время для создания новых жанров и форм, посвященных самым разным явлениям. И – отдельно – само это многообразие также нуждается в экспертной и аналитической работе, поэтому тут становится возможен проект чего-то вроде «новой институциональной литературной критики». Вроде той, которой я вот в этом тексте пытаюсь заниматься.

Что же касается премии «Неистовый Виссарион», то, пожалуй, она была своевременной хотя бы потому, что создала вокруг себя волну «хайпа», что, по нынешним временам всегда скорее полезно, чем вредно. Но было бы здорово, если бы в дальнейшем премия учла все сложное многообразие текущей литературной ситуации и ее проявление в области литературного метадискурса, где уже никогда не будут уместны критики «тотализирующего» типа, вроде, например, Писарева или, если говорить о современной ситуации, того же Виктора Топорова.

Анна ГОЛУБКОВА

1. Главные тенденции литературной критики и прошлого и текущего года, на мой взгляд, это попытка переосмыслить свое место в литературном процессе и заново определить наиболее востребованные критические жанры. Об этом свидетельствуют и серия высказываний критиков о предмете своей деятельности, которая по инициативе Данилы Давыдова публиковалась в интернет-журнале Литература, и цикл круглых столов, проведенных Людмилой Вязмитиновой в рамках клуба «Личный взгляд», и ряд неформальных высказываний о сути критики и личностях критиков в соцсетях, в частности, в фейсбуке.

На функционирование критики в первую очередь, естественно, влияют условия ее существования, а именно – насколько она востребована и каким образом оплачивается (очень востребована и практически не оплачивается).

Премиальный процесс, безусловно, способствует выведению проблемы критического высказывания в сферу общественного внимания и хотя бы в некоторой степени стимулирует и поощряет преимущественно волонтерскую деятельность критиков.

2. На мой взгляд, в критике вообще имеет смысл выделять отдельные жанры и способы высказывания. Делить дополнительно на критику-критику, критику-эссеистику, критику-анонсы, мне кажется, не нужно.

Нелегитимными, как правило, являются высказывания, обусловленные исключительно личной обидой на недостаточное критическое внимание и степень собственной авторской востребованности. Легитимная критическая статья все-таки должна иметь какую-то дистанцию с собственно авторской позицией критика. То есть для нелегитимного критического высказывания характерно отсутствие не просто полной объективности, но и даже малейшего к ней стремления.

3. Премия «Неистовый Виссарион», как мне кажется, появилась вполне своевременно, как раз в тот момент, когда происходит переосмысление целей, задач и методов современной критики. И прежде всего она помогает очертить границы этого процесса, показать весь спектр существующих критических практик, а также выявить лакуны и слабые места, на которые следовало бы обратить внимание литературному сообществу. В лонг-листе премии, как и собственно в литературной жизни, не хватает обзорных статей с осмыслением литературной ситуации. Но такие статьи за два дня не

пишутся, так что лучше всего их появлению способствовала бы адекватная оплата труда критика. Жаль только, жить в эту пору прекрасную...

Во втором сезоне я бы предложила ввести номинацию «Зоил» и присудить ее без конкурса Александру Кузьменкову.

Данила ДАВЫДОВ

1. В современной критике происходит множество процессов, многократно уже обсужденных, но главный, думаю – это ее окончательно и бесповоротное расслоение по сферам бытования и применения. Дело не в разнице позиций, не в партийности, которые всегда были. И даже не в разности жанров, которая тоже, по сути дела, всегда была. Дело в функциональном расслоении. Собственно, я должен был бы радоваться этому процессу. Я многократно повторял, что есть рекламная деятельность, есть книжная журналистика, есть работа с чистым информированием читателя, есть субъективное-эссеистический, практически художественный тип письма, метаписьмо, литература о литературе. Есть, наконец, первичная аналитика текста (филологическая, – либо социологическая, антропологическая, философская... – не суть важно), за которой может и должна последовать аналитика более системная, уже сугубо научная. Именно последний тип дискурса обыкновенно понимается под критикой, это закономерно, но не отменяет межеумочности такого рода письма, в котором сказано «а», но не сказано «б», и уверенность в объективных факторах говорения всегда страхуется потенциальной субъективностью. Таким образом. То, что принято считать критикой – это своего рода модус «недо-»: недожурналистика, недонаука, недолитература. И de facto место такого рода критике почти не остается, кроме, пожалуй, толстых журналов, которые сами постепенно скатываются в зону «недо-», не заменяя ни живого гуманитарного портала, ни книги, но и утрачивая свою историческую роль, окончательно мумифицируясь. Рецензия или аналитический проблемный текст, приближенный к живому гуманитарному знанию, нужней «большого обзора», жанрово растущего еще из Белинского, Добролюбова, Писарева (при всей блистательности первого и особенно третьего). Конечно, ее, эту межеумочную критику, немного жаль. Всех жалко. И критика тоже жалко, и продукт его, и трех немолодых читателей, ищущих в последнем номере «Запрудельских далей» обзор Ковырялкина и статью Записочкиной. Но мёртвые жанры вообще жалко.

Премиальный процесс мог бы сыграть важную роль в пересмотре взгляда на критику. В смене парадигм, не побоюсь. – но для этого сам премиальный процесс пока слишком маргинален. Впрочем, здесь как раз что-то можно сделать, в отличие от реанимации старокритического бла-бла-бла.

2. См. ответ на предыдущий вопрос. А легитимно, конечно же, все, что не запрещено законодательством РФ типа пропаганды разного всякого. Другое дело, сообщество вправе самоопределяться по отношению к определенным типам высказывания и делегитимировать некоторые из них в рамках тех или иных конвенций: не буду называть имен, но существует категория критиков, с которыми приличному человеку в одном социокультурном поле делать нечего. С третьей же стороны, всегда найдется некоторая часть людей, которых приличные люди считают приличными, но которые при этом полагают признаком свободы общение с неприличными людьми, вызывая разного рода когнитивные диссонансы и окололитературные бурления вследствие оных.

3. Хорошая премия. Случайно с самого начала попавшая – не по своей вине – в не очень хорошую историю. Пусть будет, но никаких специальных пожеланий высказать не готов, т.к. при всей своей прекрасности эта премия еще не готова быть институцией,

формирующей поле, а следовательно, при всём желании ей придется работать с наличествующим материалом.

Наталья ИВАНОВА

Вопросов много и они существенны, в ответ можно сочинить книгу. Но времени – и места – мало, поэтому замысел книги о критике отложу. Постараюсь ответить вкратце.

Итак.

Процессы? Их – два, и они друг друга дополняют и усиливают. Это процесс усыхания и процесс упрощения.

Критика сегодня разделилась, даже разломилась – на критику как она есть, назовем ее органической, ибо происхождение ее естественно, и она обращена к литературе как институту и является частью этого института, – и книжную критику, предназначенную читателю-покупателю, потребителю, и она отвечает на вопрос «интересоваться или забыть». Книжная критика относится не столько к литературе как институту, а к сфере услуг, объясняя возможному покупателю, «брать или не брать». Я приветствую КК, то есть книжную критику, когда она не превращается в облегченную аннотацию, когда она адекватна книге. А когда автор-критик амбивалентен – и объясняет, почему – становится совсем интересно.

Конечно, критик должен знать контекст – 1) в идеале все, что написано этим автором и все, что было написано вокруг этой книги, 2) контекст литературы сего дня, то есть в каком окружении эта книга появилась на свет. Так учил меня Турбин, о том же напоминал давнишний Аннинский. Контекст придает артистизм! Играющий с контекстом критик – волшебник, а не начетчик.

Сегодня есть попытки объявить все, что появляется на просторах интернета, любой чих о книге – критикой. Это не так. Или мы считаем критикой самодеятельность, а не профессиональное суждение? Я – за профессионализм. И хорошо, что первая премия по критике поддерживает профессионализм (сужу по лонг-листу). Иначе самый главный, основной, фундаментальный для критики жанр рецензии превращается в порхающий отклик. Бывает забавно, наивно, как домашняя поделка, но это не критика.

Это я о процессе упрощения.

Теперь об усыхании.

Усыхание – это сокращение присутствия критики в ЛЮБОЙ периодике. Все меньше, и меньше, и меньше – в отличие от наших западных коллег, газеты и журналы там имеют своих штатных критиков-обозревателей, постоянно печатающих свои обзоры и рецензии – на книги, премьеры, выставки, новые экспозиции, балет и оперу, концерты и т. д. Расцвет такой критики у нас – 90-е годы. Целые полосы еженедельно или два раза в неделю у ежедневных газет. Колонки. Реплики. Обзоры – ехидные в том числе – премиальных листов. И выдвижений, не говоря уж о решениях. Это кончилось. Где Борис Кузьминский? Молчит. Где Андрей Немзер? Ушел в преподавание и академическую науку.

Неучастие – выбор многих достойных. А жаль. Особенно тогда, когда невооруженным глазом видно, что, кто и как рулит сегодня процессом через систему премиальных поощрений, от которой в несколько приемов отсекается все неродное как ненужное. Отсекается критика в ее неуправляемых проявлениях, на самом деле составляющих ее сущность.

Далее.

Критику и эссеистику разводить не стоит – академизм и эссеизм составляют два полюса ее тяготения. Иногда переходы с языка на язык, переходы через стилистические границы совершает один и тот же человек, и неоднократно. Билингва такая. Но это трудно.

Критикам должны быть доступны все лит-крит-жанры; настоящий критик владеет оружием аннотации (не говоря уж о деепричастном обороте) так, что другой только

поеживается. Нелигитимный тип высказывания мне неизвестен. Может, переход на личность? Намеки? Месть автору за обидевшего издателя? Или кровная месть автору книги – например, за неправильного родственника? И такое бывает, но это не критика. Желание задеть за оскорбить? Ну да. Но не стоит это обсуждать.

Толстые журналы продолжают ока делать важнейшее дело – сохранять цветущее жанровое разнообразие критических жанров. Чтобы вся поляна не выродилась просто в рецензию как комментированный пересказ с оценкой, но без спойлера.

Премию «Неистовый Виссарион» приветствую. И не только потому, что «наша» знаменская Ольга Балла вышла в победители. Она неистовая по плодовитости. По темпераменту – нет, никак не неистовая, она очень мирная.

Больше внимания критике – отличная идея премии. Тем более – что выдвинуть много прекрасных критиков! Оказывается, их, то есть нас, у нас много! Откройте еще раз длинный список и убедитесь сами, и почитайте-перечитайте, и задумайтесь о том, что похоронить критику не получится.

Чего не хватает премии? Номинаций. Разные типы критических высказываний, разные жанры должны быть представлены в разных номинациях. Пока большинство – рецензии. А вот диагнозам, полемическим и проблемным статьям, книгам критиков (почему бы и нет?) места не нашлось. Новые номинации – для разных форматов. В том числе и лит-крит-проектов. Надеюсь, что это поможет нашему литературному сообществу избавиться от навязчивого синдрома исчезающей критики.

Моя личная летняя премия 2019 года присуждается проекту «Неистовый Виссарион».

Владимир КОРКУНОВ

1. Сегментирована литература – и сегментирована критика. И жанры есть, но в своём регистре: филологическая, толстожурнальная, тонкожурнальная (чаще всего в разрезе: «чего изволите?»), блогерская и т.д.

Несмотря на разнообразие форм и воплощений, уровень критики падает или – вопреки пока ещё повсеместной грамотности – стоит на месте: как и во времена Белинского, внятную статью может написать считаное число людей. Чаще экспертная оценка сводится к пересказу сюжета и рефлексии над анамнезом текста – или же текст становится отправной точкой для рассуждения о наболевшем не для мира, созданного автором, а – для себя, критика.

Премиальный процесс, если говорить о премии «Неистовый Виссарион», представления о сфере практически не меняет. Соискателей номинируют сами критики (то есть ядро остаётся внутри профессионального поля). Если бы речь шла о писательских/читательских номинациях, новые имена могли бы возникнуть, а так – откуда? (Номинация малоизвестным журналом своего малоизвестно же критика не в счёт, это погрешность, подтверждающая правило.)

Номинаторы таким образом *очертили границы* профессионального поля (и я благодарю журнал «Волга» за номинацию моих текстов). Не переопределили (ведь никого не сбросили с литпроцесса), а – обвели на контурной карте границы «страны критиков».

Страна критиков – издали, по касательной смысла напоминает название драмы «Страна глухих». Общение на дистанции писатель-критик, броуновское движение внутри литпроцесса (минуя точки притяжения им. Галины Юзефович или Анны Наринской, которые в самом деле формируют читательские предпочтения) происходит внутри сообщества. Мы пишем на русском языке, а кажется, общаемся на жестовом языке или дактиле – как слепоглухие, из руки в руку; и понимает нас допущенный круг, люди, обученные тому же способу передачи/восприятия информации.

Но даже произошедшая инвентаризация (всероссийская язычная перепись) оставила ощущение недостаточности – в лонг попали не все ожидаемые и достойные номинанты (например, Данила Давыдов). А потому возникает необходимость в привлечении экспертов-номинаторов, выдвигающих не конкретного человека (шестеро индивидуально и заслуженно номинировали Ольгу Балла), а фиксирующих самые важные статьи/рецензии/обзоры года, как это происходит, например, в кулуарах премии «Поэзия».

2. Качели легитимности/нелегитимности оказались так плотно заняты участниками литпроцесса, что места для читателя не осталось – они, как сказано выше, посещают площадки отдельных критиков (легитимность – личный бренд, а без него текст: смиксованный алфавит).

В недавней колонке «О профессии критика» для журнала «Литература» я писал, как, работая в одном журнале, получал *на день* две книги – и в конце рабочего дня должен был отчитаться/отписаться двумя рецензиями. Эти непрофессиональные тексты массово появлялись в «Журнальном зале», месте, которое легитимирует профессиональное высказывание. (Как известно, прогоняя персону по критериям значимости, модераторы «Википедии» учитывают присутствие человека в ЖЗ.)

Отчётливо понимаю – халтурный марафон дистанцией в десяток статей за пятидневку (и +100 в ЖЗ в 30 годах; ну хоть не подряд) дорого обошёлся моей репутации, и хотя эта работа в режиме ошпаренной кошки в прошлом, я до сих пор не чувствую, что очистился. Даже сейчас, подчас по несколько недель/месяцев работая над рецензионным текстом/статьёй.

А потому – нелегитимен обман; а остальное – эссе, анонсы, блогерский пересказ и блогерская же аналитика – написанное честно, в силу уровня и знаний (опять же: профессионалы от слова «мастерство» наперечёт), в той или иной мере легитимны. Какие-то в качестве ученических попыток осмыслить прочитанное (и это видно сразу, и с такими текстами нужно работать, и мы в Paradigma начали эту работу), какие-то – в границах профессионального поля. Его-то и очерчивает «Неистовый Виссарион», легитимируя не тексты – критиков. И это представляется своевременным и необходимым.

3. В конце прошлого ответа – ещё не видя формулировку третьего вопроса – я употребил оба слова: и «необходима», и «своевременна». Премия (как и выпуск книги в хорошем издательстве, например) – легитимирующая институция. Она *необходима* для разграничения профессионального и любительского письма о книгах, а *своевременна* постольку, поскольку читатель (часто сам пишущий – из сообщества) уже *разут перед текстом*, но не видит брода. Так вот, «Неистовый Виссарион» призван проложить этот брод.

Механизм, разумеется, нуждается в корректировках (ну да и рай был не идеален – змей явно нуждался в переселении) – за границей премии оказалось немало ключевых имён: Денис Ларионов, Дмитрий Кузьмин, Алла Горбунова, Александр Сорочан, Александр Скидан и др. Потому и видится необходимым, как я уже написал, создание не только института «свободного номинирования», но и экспертного – с задачей не упустить значительные явления, тексты и имена в современной критике. (А среди типов критических текстов я не углядел в лонге кратких обзоров, рецензий-аннотаций, которые подчас написать сложнее, чем выдохнуть 2-4-страничный текст.)

Это, однако, не отменяет особого значения премии. «Неистовый Виссарион» – первая попытка охватить (и оценить) *всё критическое поле* в русскоязычном сегменте литературы. Когда экспертное мнение размывается соцсетями и блогами, когда мысль подменяется пересказом или заимствованием, когда личность теряется в границах ошестившегося пустопорожними словами внешне качественного текста, – премия «Неистовый Виссарион» замедляет маховик дутых репутаций, предлагая сообществу

(пусть и не без нареканий, вспомним «топорят») ориентир, требующий уточнений (и расширений, и сокращений), но: появившийся именно благодаря премии.

Сергей КОСТЫРКО

Какие процессы происходят в современной критике?

Это вопрос, который и провоцирует, и одновременно ставит в тупик неоглядностью темы. Потому как процессов, происходящих сегодня в критике, много. Очень много.

Начну с процесса, который чуть ли не заново ставит сегодня вопрос, а что такое вообще литературная критика, – с отделения от литературной критики ее информационно-аннотационной составной в так называемую «книжную критику». «Книжная критика» оформлялась в свое время в текстах литературного обозревателя журнала «Афиша» Льва Данилкина. При том, что Данилкин очень часто писал именно о литературе, а не о «книжных новинках», все-таки главной функцией его текстов, определяемой самим типом его журнала, была реклама «книжных новинок». Возможно, поэтому, то есть почувствовав стесняющие рамки этого жанра, Данилкин и ушел на «литературную волю». Сегодня же в качестве лидера «книжной критики» я бы назвал Галину Юзефович. Нет, ничего против целей, которые ставит перед собой Юзефович, я, разумеется, не имею; работу она делает необходимую – аннотированные списки достойных внимания книг, а также – более развернутые разборы. Собственно, любой профессиональный разговор о литературе начинается именно с этого – с отбора текстов и выяснения, какому читателю эти тексты предназначены. Но вот естественное продолжение такого разговора требует от критика проработки самих критериев анализа, которыми он пользуется; литературно-критической импрессионистской эссеистичностью здесь не обойтись, критик все-таки должен объяснить, что именно позволяет ему ставить в один ряд, скажем, книги В.Г. Зебальда, демонстрирующие одну из высочайших точек в культуре сегодняшней литературы, и роман Донны Тратт «Щегол», высокопрофессиональную имитацию «литературы XX-XXI века», писавшуюся с ориентацией на сегодняшний вариант «интеллектуального глянца». То есть употребление слова «шедевр» к книгам этих двух авторов вполне допустимо исключительно как рекламный жест, но не как литературно-критическое суждение.

Свои размежевания происходят и внутри уже собственно литературной критики.

Опору современной литературной критики я, например, вижу в творчестве критиков, которые, выстраивая концепцию литературы, из которой они исходят, соблюдают традиционное соотношение опоры на науку (современную филологию) с собственным художественным чутьем, своей интуицией художника. Типы этих критиков представлены в списке шорт-листа «Неистового Виссариона»: Андреем Пермяковым, Юлией Подлубновой, Дмитрием Бавильским, Ольгой Балла, Марией Галиной и другими. И тут уже не важно, берут ли эти критики на себя труд отдельно прописывать свои опорные представления о литературе (как скажем, это происходит в статьях Пермякова или Подлубновой), или же критик реализует себя почти исключительно в жанре рецензии, как Ольга Балла. И там, и там присутствие своей проработанной каждым из них концепции современной литературы для меня как читателя легко восстанавливается уже самой логикой их анализа и системой критериев оценки. Определение «традиционная критика» в данном случае отнюдь не означает критику эпигонскую. Напротив, одной из традиций русской литературной критики в каждый ее период было ее соответствие эстетическому состоянию рассматриваемой этой критикой литературы. И как раз здесь сегодняшние «традиционалисты» выступают как «авангардисты» – они противостоят критикам «книжным», опирающимся в своих разборах на привычные широкому читателю представления о литературе.

Ну а рядом с этими вот критиками-«традиционалистами» продолжают свою работу критики, вдохновленные обозначившейся в 90-е годы новой волной литературной критики, которая была оформлена в журнале «Новое литературное обозрение». Цель этих критиков все та же: поиск ответа на вопрос, как делается подлинная литература, из какого материала и по каким технологиям. Ну а опорой в достижении этой цели предполагается нынешнее состояние отечественной и мировой филологии (прошу прощения за неизбежное здесь огрубление схемы). Нет-нет, я здесь не иронизирую – это задача, на самом деле, актуальнейшая. Это главная задача критики, и, соответственно, каждый критик в каждом своем литературно-критическом разборе всегда занимается еще и выяснением вопроса, что же, на самом деле, делает литературу литературой. В «энэловском» же варианте задача эта была поставлена в лоб: найти научно проработанную формулу литературного творчества, или хотя бы выстроить некую модель работы этой формулы. Для меня, скажем, абсолютной персонификацией этого направления в критике являются литературно-критические тексты Данилы Давыдова. Давыдов – человек умный, я уверен, что он и сам знает, что вывести формулу художественной состоятельности текста невозможно в принципе. И что принципиальная невозможность существования такой формулы – залог существования литературы. Но вот сам процесс поиска этой формулы при всей очевидной его безнадежности необыкновенно плодотворен и необходим литературе. И потому у критика Давыдова и его единомышленников свое законное место в современной русской критике.

Ну а по другую сторону от «традиционалистов» я, например, вижу критиков, для которых литературная критика постепенно становится еще и формой лирической исповедальной прозы. Критиков, которые реализуют свой критический дар в вольной, часто очень личностной эссеистике – в шорт-листе «Неистового Виссариона» эта критика представлена Дмитрием Бавильским, равно владеющим и стилистикой критика-«традиционалиста» и стилистикой литературно-критического эссе. И нужно сказать, что у такой вот критики есть свои, только ей присущие возможности, и что здесь соединение «филологической физики» и лирики абсолютно органично. Ну скажем, литературно-критические эссе Александра Кушнера или эссе Юрия Казарина в ежемесячной рубрике журнала «Урал» «Слово и культура» – это что? Критика или лирико-исповедальная проза поэта? И то, и другое.

Что влияет на ее функционирование в качестве арт-институции?

Наличие толстых литературных журналов с разделами критики. И только. Увы.

Способствует ли премиальный процесс изменению/расширению представлений о литературной критике как явлении, переопределению границ etc?

Об этом судить пока рано. Пока этот вот «премиальный процесс» (я имею в виду сюжет «Неистового Виссариона») является фактом исключительно внутрилитературной жизни. Я пока не вижу дальнейшего продвижения этого процесса в виде, скажем, какой-то книжной серии, ориентированной на широкого читателя и готовой представить творчество отобранных экспертами «Неистового Виссариона» для шорт-лист авторов. А шорт-лист премии в этом году, на мой взгляд, абсолютно репрезентативен для состояния нынешней литературной критики.

Стоит ли разводить критику и эссеистику? Критику и анонсы? Критику и ...? Есть ли в пространстве современной критики высказывания/типы высказываний, которые нелегитимны?

Я думаю, что нет, не стоит. Все дело в том, насколько литератор, пишущий литературно-критическое эссе или анонс, или просто пост в сети, посвященный литературе,

чувствует рамки своего жанра и способность его – выбранного жанра – выполнять функцию литературно-критического высказывания.

Насколько необходимым и своевременным было появление премии «Неистовый Виссарион»?

Такая премия как «Неистовый Виссарион» необходима. По причинам очевидным: литература существует как литература только при наличии ее рефлексии над самим процессом своего функционирования. То есть при наличии литературной критики. Литературная критика – это то, что оформляет движение множества разных текстов в то, что мы называем литературой. Ну а сегодня от имени литературной критики в наших СМИ представляет по большей части рекламно-аннотационная литературная журналистика. Поэтому необходимы и вот такие, принадлежащие прежде всего культуре, формы продвижения литературной критики.

Какие типы осмысливающих литературу текстов, по Вашему мнению, не были представлены в лонг-листе премии? Что Вы бы хотели увидеть во втором сезоне?

Не было места для номинации, которую я бы назвал «Зоил года» (если бы, конечно, исторический Зоил не был настолько отвратным типом) или «Гераклом года», если вспомнить пятый подвиг Геракла с очисткой Авгиевых конюшен. Очевидный претендент на это место – критик Александр Кузьменков со своей (увы, завершившейся) колонкой «Черная метка» в «Урале», без которой уже невозможно представить наш литературный пейзаж последних лет. Колонку составляли тексты, написанные необыкновенно живо, энергично, без оглядок на сложившиеся в литературе иерархии и репутации; но самое главное здесь – тексты этой колонки рождены были отнюдь не зоиловским намерением как можно больнее уязвить рецензируемого автора, а – защитой подлинной культуры. На самом деле, «Черная метка» Кузьменкова была своеобразной попыткой написать – от противного – чем является подлинная литература.

Александр МАРКОВ

1. Обычные жалобы на вытеснение аналитической контекстуализирующей критики рекомендательной звучали и сто лет назад, и больше, например, в книге Гюстава Лебона «Психология масс» (1895). В 1990-е годы так же обсуждали Андрея Немзера, как сейчас – Галину Юзефович, спрашивая, какая общая идея стоит за его яркими критическими суждениями, неужели только какие-то любимые им частные идеи, и в конце концов делали вывод, что Немзер отстаивает идею критического профессионализма. Так же точно и сейчас о Галине Юзефович говорят, что она создает квалифицированного читателя, будучи таковым – но это уже 25 лет назад сказали о Немзере, что будучи филологом-профессионалом, он создает профессиональную критику. Поэтому жалоба на засилье рекомендательной критики кажется мне совсем не основательной, наоборот, в России ее очень мало: ни в толстом журнале, ни в глянце мы не можем представить «Максим Галкин о пяти лучших мировых романах о шоу-бизнесе» или «Роман Абрамович о своих любимых книгах о работе крупного бизнеса», разве что в виде исключения в результате стечения обстоятельств. Очень хорошо это показывает выбор книг для перевода издательствами равно крупными и малыми: это обычно не результат рекомендаций знаменитых людей «оттуда» или «отсюда», но каких-то кулуарных договоренностей и маркетинговых расчетов.

Если говорить о процессах в современной критике, то мы видим, что возникают постоянно точки притяжения, и хотя невозможно сказать «Школа Данилы Давыдова»,

«Школа Ольги Балла» или «Школа Ильи Кукулина», но тем не менее видно и какие критики, и какие литературные произведения тяготеют именно к этому центру, а не к другому. Но замечательно, что все притягивающие к себе литературу критики работают в университете или, во всяком случае, имеют опыт академической работы – этим они отличаются от Белинского, который хотя очень хотел получить университетское образование, выстраивал свое повествование как ценностно очень отличающееся от университетского. Грубо говоря, критику профессору Шевыреву или профессору Надеждину полагалось быть центростремительным и даже анекдот превратить в повод для утверждения академической нормы высказывания о литературных контекстах, тогда как Белинский был центробежным, и он превращал анализ произведений в способ произвести новые контексты. В этом смысле можно считать «Транслит» наследниками Белинского и демократической критики: ведь они берут хоть и экзотические, но уже освоенные даже местными интеллектуалами идеи и имена, от Альтюссера до Мейясу, и просто показывают, как много новых контекстов они вдруг могут произвести, если их еще раз перевести или еще раз внимательно прочесть. Это, разумеется, не значит, что толстожурнальная критика – «шевыревская», при всем уважении к таланту Шевырева, это просто значит, что она существует и потому, что существует шевыревский принцип в производстве высказываний о художественной литературе, иногда дрейфующий в сторону консерватизма, а иногда подрывающий его изнутри – о чём мог бы быть долгий разговор.

2. Исторически, конечно, всё это разводить стоит. От античности до Просвещения критика понималась как высказывание ценителей, тогда как эссеист или автор анонсов не обязан быть ценителем, напротив, чрезмерная изысканность вкусов ему может даже помешать. Но в современном мире они могут оказаться сведенными от обратного, в спорах, например, о границах документальности и художественности, об адаптациях и популяризации, о романе как о тотальном жанре и подрыве этого тотального жанра изнутри, о кружковой литературе и массовой, о романах с ключом и метароманах, о конце постмодерна, в конце концов. Одних аргументов критиков будет недостаточно, чтобы разобраться, можно ли считать данное собрание статей романом, или имеет ли право историк на публицистичность. Всё это вопросы, которые нельзя решить, не привлекая филологического аппарата, а эссеистика как инструмент показывает, насколько внешние читатели могут воспринять профессиональное филологическое высказывание, насколько оно вообще может прозвучать как факт опыта, а не только как факт коммуникации.

С нелегитимностью совсем просто: есть вполне разделяемые представления, что передергивание чужих слов или *argumentum ad hominem* нелегитимны. Но сейчас, думаю, список нелегитимных аргументов надо расширить, например, частое на обсуждениях монографий «а почему вы не написали еще об этом» или различные формы эссенциализма, превращения понятий в сущности, в духе «роман должен выглядеть как роман» или «любую высказываемую мысль нужно делать законченной». Пока такие тавтологии оказываются сильнее свободной мысли, ничего хорошего критику не ждет.

3. Любая премия, в том числе критическая, очень полезна. Личное пожелание – прочесть в следующем сезоне вдруг вернувшихся в критику моих проникательнейших друзей, которые не попали в этот лонг-лист, независимо от того, кто они, «консерваторы», как Вероника Зусева-Озкан, или «либералы», как Ирина Каспэ – но это «письмо Деду Морозу». А если говорить не о личном, мне не хватило имен тех, кто, не являясь критиками в строгом смысле, по-новому членит литературу в своих исследованиях и размышлениях и вносит вклад в будущее критики не меньший, чем профессиональные критики. Это, скажем, Олег Лекманов, Валерий Подорога, Ольга Седакова, Сергей Ушакин, Михаил Эпштейн, Александр Эткинд, Алексей Юрчак. У всех у них в последние год-два вышли книго-события, будь то монография, биография Венедикта Ерофеева, как у Лекманова, или сборник интервью, как у Седаковой – это вклад в общее развитие и самоориентацию

критики. Это и некоторые социологи и урбанисты, например, Наталья Граматчикова, Галина Орлова, Елена Трубина, которые даже если рассказывают истории заводов и НИИ, сразу невольно показывают, каковы минимальные условия возникновения литературы в большом городе. Эти и некоторые организаторы книгоиздания, как Валерий Анашвили, Александр Иванов, Ирина Прохорова – они критики, даже если не пишут критических текстов, не только потому что отбирают книги для своих издательств, сколько потому, что имеют свои концепции, как соотносятся автор, читатель и критик. Вокруг каждого из названных формируется своя аура, привлекающая тех, кто любит читать и обсуждать книги, и прибор новых поколений молодых гуманитариев рядом с ними всё слышней. Во втором сезоне хотел бы увидеть хотя бы половину этих имен, тогда и дискуссии о читателе литературы и читателе критики будут содержательнее.

Лев ОБОРИН

1. Несмотря на появление нового поколения, профессия по-прежнему в дефиците. Критика ищет новые платформы, сростается с блогосферой (то, что институционально не удалось когда-то ЖЖ, до какой-то степени удалось телеграму) – и остается частью не то чтобы огромной экосистемы. Чтобы она расширялась, нужны новые площадки – и, конечно, новые и качественные книги; на обзорах зарубежной прозы далеко не уедешь. Радует, впрочем, что у нас появились критики нон-фикшна, занимающего все большее место в книжном мире.

Премии, делающие упор именно на критику (назову такие инициативы, как премия «Фикшн35», премия «НОС», третий год подряд включающая специальную номинацию – приз критической академии; в каком-то смысле и покойное «Различие», выпускавшее по итогам сезона сборник статей о лауреате), мне кажутся совершенно правильной идеей – как и отдельные премии для критиков: помимо «Неистового Виссариона», можно вспомнить «Московского наблюдателя» и несколько недавних премий за литературные блоги. С одной стороны, последнее кажется пока историей немного игровой, с другой – так можно и обо всем остальном сказать.

2. Эти границы эфемерны, но интуитивно определимы. С анонсами, небольшими обзорами – проще всего: они выполняют именно ту информативную функцию, на которую претендуют. Не то что нелегитимным, но попросту неэкологичным мне по-прежнему кажется хамское паясничанье: под видом заботы о большой литературе здесь скрывается жажда быть услышанным независимо от сообщения. Завуалированная самореклама.

3. К сожалению, я не очень пристально следил за первым сезоном премии, но рад победе Ольги Баллы – критика высокого уровня. Ольга самоотверженна, скромна и внимательна к разному, она пример книголюбов, ее работа давно заслуживала награды. Мне хотелось бы, конечно, больше текстов о поэзии – но мне этого всегда хочется.

Юлия ПОДЛУБНОВА

1. У меня есть ощущение исчерпанности высказываний о состоянии современной критики и о современных критиках – столько в последние годы было различного рода опросов, круглых столов, посвященных этому, потом рубрика «О профессии критика» на портале «Литература» – в общем, не знаю, что еще добавить: да, функционирует, да, меняется, как меняется сама литературная ситуация. О «Неистовом Виссарионе» по первому сезону судить сложно, хотя финалистов жюри выбрало, надо отдать должное, умно, и этим выбором легитимировало премию.

2. Скажем так, не всякую критику я готова воспринимать – включаются политические и эстетические фильтры. Формат критического высказывания во многом зависит от того, где оно будет опубликовано – это понятно, и от творческих/аналитических возможностей самого автора. В конце концов, не так уж важен формат, важно, что и как говорится, есть ли новые смыслы в высказывании, насколько интересно его читать. Нелегитимны агрессия и невежество, но это тоже понятно.

3. Лонг-лист мне показался апофеозом эклектики, но очевидно, что круг номинаторов и институций, которые могли номинировать критиков на премию, не был каким-либо образом ограничен. Некоторых авторов выдвигали несколько номинаторов – вот здесь, мне кажется, стоит продумать регламент приема заявок во втором сезоне, потому что мне, например, ясно, как можно выстроить механизм накрутки условного рейтинга внутри премиального лонга, хотя я сама, разумеется, так не делала, как, думаю, ничего не предпринимала Ольга Балла, абсолютный чемпион по количеству выдвижений, и другие «популярные» критики из первого сезона.

И не помешала бы большая осмысленность шорт-листа. Может быть, стоит организовать какие-то публичные обсуждения работ финалистов.